

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-288-299>

Научная статья / Research article

Доставка музейных коллекций в СССР в период санкций: опыт Музея антропологии и этнографии 1920-х гг.

Игорь Юрьевич Котин ✉, Нина Георгиевна Краснодембская ,
Елена Станиславовна Соболева

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) имени Петра Великого РАН,
Санкт-Петербург, Россия

✉ igorkotin@mail.ru

Аннотация: Рассматриваются обстоятельства доставки в Петроград (Ленинград) коллекционных сборов А.М. и Л.А. Мервартов – участников Первой русской этнографической экспедиции на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг. По завершении экспедиции эти предметы оказались на временном хранении в чайных складах в Коломбо, в подвалах музеев Мадраса и Калькутты, в Государственном дальневосточном университете во Владивостоке. Авторы рассматривают политические условия и пути возвращения имущества Академии наук. Организация возвращения индийских коллекций в 1921–1924 гг. стала поводом для разработки модели взаимодействия молодого Советского государства с Великобританией. Предложенные академиком Ф.И. Щербатским формулировки позволили урегулировать дипломатические конфликты, связанные с конфискацией в Советской России собственности иностранных (британских) подданных, и мешавшие возвращению этнографических коллекций в Россию. Международное сотрудничество ученых способствовало транспортировке экспонатов в академический Музей антропологии и этнографии (МАЭ). Усилиями многих выдающихся ученых (С.Ф. Ольденбург, Ф.И. Щербатской), политических деятелей (Г.Д. Красинский и Л.Б. Красин), при поддержке британских политиков и администраторов (лорд Дж. Н. Керзон, Э. Барнс, Ф.Х. Грейвли) к 1925 г. большая часть коллекций была доставлена в Петроград, что позволило и Мервартам вернуться в МАЭ и приступить к экспонированию и изучению уникальных материалов, составивших славу РАН.

Ключевые слова: этнографическая индология, советская наука, советская культура, Министерство иностранных дел

Благодарности и финансирование: Авторы благодарят М.В. Хартанович за информацию о материалах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, связанных с историей возвращения в Советскую Россию коллекции Мервартов.

Для цитирования: Котин И.Ю., Краснодембская Н.Г., Соболева Е.С. Доставка музейных коллекций в СССР в период санкций: опыт Музея антропологии и этнографии 1920-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 2. С. 288–299. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-288-299>

Delivery of Museum Collections to the USSR in the Period of Sanctions: Experience of the Museum of Anthropology and Ethnography in the 1920s

Igor Yu. Kotin ✉, Nina G. Krasnodembskaya , Elena S. Soboleva

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)
of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

✉ igorkotin@mail.ru

Abstract: The article examines the circumstances and history of delivery to Russia of ethnographic collections by the First Russian Expedition to Ceylon and India (1914–18). These items were stored at Russian Tea Firm Gubkin & Co warehouses in Colombo, Government Museum (Madras) and

Indian Museum (Calcutta), at the State Far Eastern University (Vladivostok) until 1925. The authors consider political conditions and ways of protection of the Academy of Sciences property in the 1920s. The Indian collections in 1921–24 became the pretext for the working out a model of interaction between the young Soviet state and Great Britain. The arguments proposed by Academician F.I. Stcherbatsky made it possible to resolve diplomatic conflicts related to the confiscation of the property of British subjects in the Soviet Russia. In 1923–24 international cooperation of scientists facilitated the transportation of Indian exhibits to the academic Museum of Anthropology and Ethnography (MAE). By 1925, most of the collections had been delivered to Petrograd, the Meerwarths returned to the MAE.

Keywords: ethnographic Indology, Soviet science, Soviet culture, Ministry of Foreign Affairs

Acknowledgements and Funding: The authors thank M.V. Khartanovich for a valuable suggestion to get acquainted with the materials of the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences related to the history of the return of the Meerwarth's collection to Soviet Russia.

For citation: Kotin, I.Yu., Krasnodembskaya, N.G., and Soboleva, E.S. "Delivery of Museum Collections to the USSR during the Period of Sanctions: The Experience of the Museum of Anthropology and Ethnography in the 1920s." *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 2 (May 2022): 288–299. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-288-299>

Введение

Авторы данной статьи, изучающие наследие экспедиции Александра Михайловича и Людмилы Александровны Мерварт, отправленных Музеем антропологии и этнографии имени Петра Великого Императорской академии наук (далее – ИАН) в Южную Азию для сбора этнографических коллекций¹ с мая 1914 г. по апрель 1918 г.², впервые поднимают заявленную тему благодаря обнаруженным уникальным материалам из Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН), которые впервые вводятся в научный оборот.

Как выясняется из документов, обретение собранных экспедицией экспонатов, оказавшихся разбросанными по миру, вылилось в настоящую эпопею и потребовало огромных усилий от исполнителей этой сложной задачи.

Возвращение участников экспедиции и их коллекционных сборов в сложных условиях разрухи и кризиса Первой мировой войны и революционных событий в России стало возможным только благодаря взаимодействию равнодушных к судьбе науки людей, в числе которых были руководители МАЭ (директор академик В.В. Радлов, старший этнограф Л.Я. Штернберг), знаменитые ученые (академики С.Ф. Ольденбург, Ф.И. Щербатской, Е.Ф. Карский, А.Е. Ферсман, Н.К. Никольский, И.Ю. Крачковский, профессора В.И. Огородников, А.Н. Криштофович, востоковеды Б.С. Серебряков, В.И. Иванов), политики (Л.Б. Красин, лорд Д. Керзон), путешественники (Г.Д. Красинский, В.К. Арсеньев).

Свою роль сыграли также государственные учреждения: Наркомпрос (НКП), Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями (Главнаука), Наркоминдел (НКИД), Наркомат внешней торговли (НКВТ), Наркомтранс (НКТ), Наркомпуть (НКПС), Добровольный флот (Доброфлот), Государственное Балтийское Пароходство, Главное таможенное управление, Петроградская портовая таможня, Главное управление чайной, кофейной и цикорной промышленности (Часуправление) ВСНХ, Государственный дальневосточный университет (ГДУ) и др.

Командировка Мервартов была продлена ИАН еще на два года 22 марта (4 апреля) 1916 г.³, но подтверждения дальнейшего продления их статуса в Индии и ново-

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее – СПбФ АРАН). Ф. 2. Оп. 1. 1914. Д. 8. Л. 20–23.

² Котин И.Ю., Краснодембская Н.Г., Соболева Е.С. Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг. История. Коллекции. Научное наследие. СПб., 2018.

³ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 14–17.

го финансирования экспедиции Мерварты не получили. Они сочли себя вправе покинуть Индию 26 июля 1918 г., практически без вещей⁴. Коллекции остались в Коломбо (на складе часторговой фирмы «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов, и Ко.»), в Государственном музее (the Government Museum) в Мадрасе и Индийском музее (the Indian Museum) в Калькутте. В 1918 г. связь МАЭ с сотрудниками, отправленными в экспедиции, прервалась до 1920 г.

В письме от 22 февраля 1920 г. из Владивостока, которое с оказией достигло МАЭ, А.М. Мерварт сообщал, где им пришлось оставить коллекции (200 ящиков). Сообщалось, что в 1919 г. 11 ящиков им привез из Калькутты Б. Серебряков⁵. Авторы статьи полагают, что речь идет о Борисе Степановиче Серебрякове (1893 г.р.), служившем с 1914 г. на кафедре китайской словесности факультета Восточных языков Петербургского университета. В мае 1913 г. он покупал для МАЭ экспонаты в Китае⁶.

А.М. Мерварт убеждал руководство Музея срочно принять все меры, чтобы спасти научный материал. Он сам выражал готовность вернуться пароходом через Индию и по пути забрать коллекции, заметив, что НКВД в курсе дела и что Уполномоченный Советского Правительства телеграммой предлагал ему выехать в Москву⁷, но тогда это было невозможно⁸.

Транспортировка цейлонских коллекций

Первые ящики с этнографическими коллекциями Мерварты отправили с Цейлона 14/27 июня 1914 г. на пароходе «Воронеж»⁹. Их выгрузили в Александрии, но в коносаменте Доброфлота этот груз не значился¹⁰. 6 февраля 1915 г. Мерварты сообщали, что еще 25 ящиков лежат в Коломбо¹¹. 18 апреля 1915 г. Л.Я. Штернберг просил Правление Доброфлота передать груз на хранение в таможенную¹², чтобы Императорское российское консульство в Александрии отправило его пароходом в Одессу. Все расходы по хранению ящиков в египетских завозных складах, таможенному оформлению и транспортировке МАЭ обязался оплатить¹³. Узнав 30 ноября 1915 г. о предстоящей продаже с аукциона принадлежащих ИАН четырех ящиков с этнографическими коллекциями по коносаменту за №14, 23 января 1916 г. директор МАЭ просил директора-распорядителя Доброфлота отправить их в Порт-Саид до окончания войны¹⁴.

Экспедиция Мервартов была организована на средства Попечительного Совета МАЭ, но с началом Первой мировой войны внебюджетные средства перестали поступать. Последнее отношение Доброфлота № 3857 о грузе датировано 22 сентября 1916 г.¹⁵ В 1922 г. руководство РАН подняло вопрос о ящиках, застрявших в Порт-Саиде¹⁶, но обнаружить их не удалось.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 2. Л. 52.

⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 99.

⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 160. Л. 382.

⁷ Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 2. Л. 56–58.

⁸ Там же. Д. 3. Л. 110.

⁹ Там же. Д. 67. Л. 225–232 об.

¹⁰ Там же. Д. 69. Л. 19.

¹¹ Там же. Д. 70. Л. 5.

¹² Там же. Оп. 1. Д. 69. Л. 122.

¹³ Там же. Л. 123.

¹⁴ Там же. Л. 242 об. – 243.

¹⁵ Там же. Д. 3. Л. 88.

¹⁶ Там же. Д. 5. Л. 12.

Доставка коллекций из Калькутты

Первую часть коллекции удалось получить из Индии при содействии представителя РАН в Лондоне и при помощи Балтийского пароходства¹⁷.

На основании писем Мерварта Непременный секретарь РАН академик С.Ф. Ольденбург просил решить вопрос востребования коллекций выдающегося индолога Ф.И. Щербатского, командированного с советской кооперативной делегацией для ведения переговоров о налаживании торговли между РСФСР и Великобританией¹⁸, помочь в решении вопроса о возвращении коллекций. Главой делегации, полпредом и торгпредом в те годы был Л.Б. Красин.

Коллекции Мервартов оказались поводом для поисков решения принципиальных вопросов российско-британского сотрудничества. 10 января 1921 г. Ф.И. Щербатской направил в Министерство по делам Индии (India Office) официальный запрос относительно груза, оставленного в Индийском музее. Запрос передали во внешнеполитическое ведомство (Foreign Office)¹⁹.

Индийский музей был обеспокоен состоянием оставленных у них русской экспедицией коллекций, занимавших много места, и неоднократно просили служившего в Азиатском обществе Бенгалии востоковеда В.И. Иванова забрать их²⁰. 25 мая 1921 г. о сложившейся ситуации В.И. Иванов уведомил Л.Я. Штернберга в надежде, что письмо дойдет до адресата²¹, а 6 февраля 1922 г. – Ф.И. Щербатского, заметив, что сам он не имел ни прав, ни денег на подобные действия²².

Ф.И. Щербатской в письме Штернбергу от 7 марта 1922 г. нашел оригинальное решение проблемы:

Я много раз писал в Академию о судьбе коллекций Мерварта, не знаю, все <ли> мои записки дошли. В последней я сообщал о конечной фазе, когда лорд Кэрзон, упирал на букве трактата, заключенного с Красиным, и решил удерживать коллекции, как залог соответствующих требований британских подданных к России.

Оказывается, это ничуть не мешает нам получить коллекции, если дело будет ведено частным порядком, т.е. если у меня будет на руках доверенность от Мерварта на получение коллекции, и если делегация выдаст средства на перевозку около 159 ф. ст. для меня.

Похоже, я могу здесь застряв сам, нужны только личная доверенность от Мерварта, или даже от Музея мне, а ведь меня снабдили бумагой от Н.К. Отдела к Красину, отчего дело получило совсем другой характер. Я хотел всячески поставить его и тут на частную почву, но помешал Клышко²³.

Итак, пришлите соответствующие документы, и я дело движу²⁴.

16 мая 1921 г. Совет МАЭ избрал сотрудника Центрального географического музея К.И. Савича научным сотрудником без содержания с тем, чтобы командировать его с 1 июня по 1 сентября 1921 г. для разыскания во Владивостоке и других пунктах коллекции Мервартов и привоза ее в МАЭ²⁵.

¹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 3. Л. 110.

¹⁸ Там же. Д. 69. Л. 348–349.

¹⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

²⁰ Иванов В.А. Автобиографическая справка Владимира Алексеевича Иванова (предисловие, публикация текста и примечания О.Ф. Акимовской) // Петербургское востоковедение. 2002. Вып. 10. С. 446–455.

²¹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 5–5 об.

²² Там же. Д. 8. Л. 5.

²³ Секретарь делегации Н.К. Клышко сорвал предлагаемый договор с фирмой Thomas Cook & Son.

²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 6.

²⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 169. Л. 26.

Государственный секретарь британской администрации в Индии Х. Шарп из Шимлы 5 мая 1921 ставил в известность помощника Государственного секретаря по делам Индии в Лондоне (здесь и далее пер. с англ. яз. – *И.К., Н.К., Е.С.*):

Со ссылкой на письмо г-на Бэйна № RD (и) S. 439/21 от 21 января 1921 года я должен сказать, что 1 марта 1918 года д-ру А. Мерварту было разрешено попечителями Индийского музея в Калькутте поместить в складах Музея 84 упаковки, в которых, как утверждается, содержатся этнографические коллекции и книги. Было решено, что ящики будут впоследствии переданы доктору Мерварту или кому-либо еще, кому он или Этнографический музей в Петрограде могут дать полномочия для доставки. 8 февраля 1919 г. прибыл некий г-н Борис Серебряков с письмом д-ра Мерварта и забрал 12 ящиков. В настоящее время в складах осталось 70 ящиков, один пакет и один неупакованный образец. У Индийского музея нет никаких данных об этой собственности, и я должен попросить доктора Мерварта организовать досрочное изъятие коллекции, связавшись напрямую или через своего ответственного представителя с попечителями Индийского музея²⁶.

Ф.И. Щербатскому это письмо переслали 18 ноября 1921 г., и в тот же день он известил С.Ф. Ольденбурга о необходимости принятия срочных мер²⁷. Усилия Щербатского тормозились и в силу непростой ситуации в советских представительствах в Лондоне. 14 и 22 ноября 1921 г. Ф.И. Щербатскому ответили, что британский МИД решил, ввиду неудовлетворенных требований британских подданных в отношении частной собственности в России, что частная собственность российских граждан не должна передаваться, пока общие договоренности между Великобританией и Россией не будут урегулированы по всем взаимным претензиям.

Руководство МАЭ выразило сожаление, что в сложившейся ситуации не принималось никаких дальнейших действий в отношении освобождения имущества А.М. Мерварта, хранящегося в Индийском музее в Калькутте²⁸.

На это решение Ф.И. Щербатской отреагировал письмом на имя секретаря Министерства по делам Индии:

Ссылаясь на Ваше письмо от 22 ноября 1921 года (C & R 7644/21), я прошу Вас обратить внимание на тот факт, что этнографические коллекции, принадлежащие Российской Академии наук, ни в коем случае не являются частной собственностью доктора А. Мерварта, что, кажется, признало Министерство иностранных дел. На самом деле они являются собственностью доктора А. Мерварта не больше, чем коллекции, скажем, Британского музея являются частной собственностью хранителей, в ведении которых они находятся.

В дополнение к этому очевидному факту, если, тем не менее, возникают сомнения в том, могут ли рассматриваемые объекты быть перепакованы или нет, я позволю себе представить следующие соображения:

- 1) Коллекции были составлены среди примитивных племен Индии, их рыночная ценность в Англии практически никакая;
- 2) Их научная ценность заметна только в Петрограде, поскольку британские и другие ведущие континентальные музеи уже имеют аналогичные коллекции и не хотят больше таковых.
- 3) Из информации, представленной Индийским музеем в Калькутте, ясно, что попечители стремятся избавиться от ящиков, которые в настоящее время находятся под их надзором, потому что их содержание сопряжено с трудностями и ответственностью.
- 4) И последнее, что не менее важно, я прошу выразить свою убежденность в том, что, каким бы обидам ни подвергались британские подданные в России и какие бы потери они ни понесли, я твердо верю, что правительство Его Величества никогда не будет всерьез думать об исправлении этих ошибок и потерь посредством лишения нашей Академии наук ее научных коллекций. Я, сэр, Ваш самый покорный слуга Щербатской, академик Академии наук, Петроград²⁹.

²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 99.

²⁷ Там же. Л. 100–101об.

²⁸ Там же. Л. 3.

²⁹ Там же. Л. 4.

29 ноября 1921 г. Совет МАЭ уполномочил академика Ф.И. Щербатского принимать все необходимые меры для получения и транспортировки этнографических коллекций д-ра Мерварта³⁰. 7 декабря 1921 г. директор МАЭ академик Е.Ф. Карский доложил о ситуации С.Ф. Ольденбургу:

В настоящее время, как сообщает академик Ф.И. Щербатский из Лондона, английское правительство обещало оказать содействие к эвакуации коллекций, но для перепакровки коллекций и безопасной транспортировки их необходимо личное участие гг. Мервартов и, следовательно, приезд их в Индию. На расходы по переезду членов экспедиции в Индию и оттуда в Петроград и транспорт коллекций необходима сумма в 500 ф. ст. Ввиду крайней ценности собранных экспедицией коллекций и материалов Академия просит телеграфно сообщить советской делегации в Лондоне о предоставлении таковой суммы в распоряжение академика Щербатского, который возьмет на себя заботы как по переезду Мерварта в Индию, так и по транспорту коллекций. Вместе с тем Академия считает нужным указать, что возвращение Мерварта в Россию необычайно ценно не только в научном отношении. Мерварт в настоящее время лучший знаток жизни и дел как Южной Азии, так и Дальнего Востока³¹.

Торговые отношения с Россией, теперь уже советской, постепенно возобновились. Предложенное Ф.И. Щербатским решение проблемы коллекций МАЭ сработало. 3 мая 1923 г. Л.Б. Красину сообщили из НКВТ, что из Лондона в Петроград на пароходе «Синеус»³² прибыли в РАН три ящика книг и этнографические коллекции из Индии, возвращенные благодаря его содействию³³. Канцелярия Конференции РАН просила Л.Б. Красина телеграфом дать распоряжение о таможенном оформлении и освобождении груза Портовой таможней. 17 ящиков из 71 там были вскрыты как «актовые», то есть как прибывшие с повреждениями, и осмотрены в специальном помещении³⁴. Вес брутто груза из Индийского музея составил 280 пудов. Его доставили 12 июня 1923 г. с Гутуевской таможни на шести подводах в здание бывшей Кунсткамеры, где 14–16 июня 1923 г. произвели таможенный и цензурный осмотр³⁵. 7 июля 1923 г. были сняты таможенные печати. 9–24 июля велась распаковка и очистка от упаковочного балласта. Эту работу выполнила, вероятно, Е.М. Кубиш. Именно она вела иностранную переписку МАЭ³⁶ о возвращении коллекций. Общему Собранию РАН доложили 1 сентября 1923 г., что в МАЭ разборка закончена и списки вещей составлены³⁷. Их регистрацию отложили до приезда собирателей³⁸.

Доставка коллекций из Коломбо и Мадраса

17 июня 1922 г. суперинтендант Ф.Х. Грейвли просил директора МАЭ о скорейшем вывозе коллекций Мервартов из Государственного музея в Мадрасе. 28 июля 1922 г. Историко-филологическое отделение (далее – ИФО) РАН постановило: 1) копию письма сообщить академику Ф.И. Щербатскому; 2) просить Главнауку принять срочные меры в охране коллекций; 3) просить администрацию музея в Мадрасе принять временно возможные меры охраны³⁹.

³⁰ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 8–9.

³¹ Там же. Л. 10–10 об.

³² Пароходы под названиями «Синеус» («Синус») в судовых реестрах 1923 г. не обнаружены.

³³ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 22.

³⁴ Там же. Л. 29.

³⁵ Там же. Ф. 142. Оп. 1. 1923. Д. 3. Л. 60.

³⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 1. 1921. Д. 17. Л. 8.

³⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 172. Л. 29.

³⁸ Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 3. Л. 81–84.

³⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 170. Л. 220.

30 августа 1922 г. С.Ф. Ольденбург уверил Грейвли, что РАН примет все меры, чтобы доставить эти коллекции в Россию как можно скорее, но с учетом возможных препятствий просил принять их временно под свою опеку, чтобы предотвратить их уничтожение⁴⁰. В ответе из Мадраса в октябре 1922 г. содержалась информация о том, что ящики нуждались в пересмотре компетентным лицом⁴¹. С.Ф. Ольденбург писал в Конференцию РАН 21 ноября 1922 г.⁴² и в Петроградское Отделение Главнауки 22 ноября 1922 г., что нельзя допустить, чтобы эти коллекции, на добывание которых потрачены огромные средства и усилия, пропали для России и для науки⁴³. Чтобы забрать и перепаковать ящики и доставить 2 тонны груза морским путем, требовалось 335 ф. ст.

НКВД поручил это задание Г.Д. Красинскому – уполномоченному НКПС по проведению первого пароходного рейса Петербург – Владивосток. 6 марта 1923 г. для него было подготовлено Удостоверение для предъявления в Бомбее, Мадрасе, Коломбо, Александрии⁴⁴. С.Ф. Ольденбург 5 марта 1923 г. просил наркома просвещения А.В. Луначарского оказать ему содействие по получению разрешения на вывоз коллекций д-ра Мерварта из Индии и проф. Конрада из Японии и доставку их в Петроград⁴⁵.

4 июня 1923 г. МАЭ уполномочил Г.Д. Красинского получить в Коломбо 26 ящиков с этнографическими коллекциями и выразить глубочайшую признательность г-ну Титову, управляющему делами чаеоторговой фирмы, за просвещенное содействие русской науке в лице Академии наук и МАЭ⁴⁶. Оригинал письма Мерварта был передан Г.Д. Красинскому⁴⁷. 26 июля 1923 г. суперинтендант Государственного музея Эдвард Барнс отчитался о том, что на основании поручения № 484 от 8 марта 1923 г. Красинский 18 июля 1923 г. получил коллекции, перепакованные в 56 ящиков⁴⁸. 31 октября 1923 г. от имени РАН в Коломбо⁴⁹ было направлено благодарственное письмо. Аналогичное письмо было направлено и в адрес Барнса, где содержались слова благодарности:

...за все проблемы, которые Вы не побоялись взять на себя при хранении и поддержании в порядке этнографических коллекций Академии в течение времени, обстоятельства которого превзошли все ожидания⁵⁰.

Г.Д. Красинский получил, перепаковал и вывез коллекции в Сингапур, где сдал их на хранение и застраховал; пароход «Декабрист» забрал груз на обратном пути и доставил его в Петроград⁵¹. В Японии Красинскому никаких коллекций разыскать не удалось. Зато обнаружилась в Шанхае Чайная коллекция, собранная в 1917–1918 гг. экспедицией Временного правительства, идентификация которой вызывала немало вопросов.

⁴⁰ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 129–130.

⁴¹ Там же. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 170. Л. 236.

⁴² Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 5. Л. 12–13.

⁴³ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 134–134 об.

⁴⁴ Там же. Л. 7, 10–15.

⁴⁵ Там же. Л. 6–6 об.

⁴⁶ Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 3. Л. 51.

⁴⁷ Там же. Д. 3. Л. 99.

⁴⁸ Там же. Д. 4. Л. 138.

⁴⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 99.

⁵⁰ Там же. Л. 100.

⁵¹ Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 3. Л. 106.

НКВД 26 июля 1923 г. потребовал документы, подтверждающие, что ящики являются частями коллекции Мервартов и принадлежат РАН⁵². В Канцелярии Конференции РАН не нашлось копий писем Мерварта от 18 сентября 1917 г. и Доброфлота⁵³. Очевидно, что оригиналы были использованы как доказательство прав на получение грузов.

20 октября 1923 г. зам. начальника Таможенного управления НКВД предложил Петроградской портовой таможне выпустить бесплатно груз с парохода «Декабрист»⁵⁴. Для таможенного осмотра 92 мест этнографических коллекций из Мадраса и Коломбо вновь был выделен зал в здании Кунсткамеры⁵⁵. Для получения же 14 ящиков чайных коллекций требовалось уплатить 30 руб. золотом, поскольку груз не был своевременно получен РАН⁵⁶. Лишь 12 апреля 1924 г. ящики были рассмотрены⁵⁷.

Г.Д. Красинский рапортовал Конференции РАН 31 октября 1923 г.:

...далась задача не легко. Связана была с большим напряжением, вызванным противодействием со стороны Британских властей. Я исчерпал, по-моему, все пути и способы апелляции к органам Британского правительства. Результатом же было – враждебное их отношение ко мне и к Миссии, мне порученной⁵⁸.

В докладной записке в НКВД от 15 октября 1923 г. Г.Д. Красинский сообщал, что в Египте, Индии и на Цейлоне при получении этнографических коллекций РАН он столкнулся с непонятно-враждебным отношением со стороны британских колониальных властей. О возложенном на него Академией Наук поручении были уведомлены представительства Великобритании в Европе, тем не менее, в Египте Красинскому не разрешили сойти на берег даже для получения почты⁵⁹.

Вторично под арестом я оказался в Мадрасе, куда прибыл 17-го июля из Сингапура. Я охранялся на борту парохода «Элленга», мне воспрещены были всякие сношения с берегом, и даже беседы мои с директором ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО музея должны были проходить в присутствии полицейского инспектора.

Формально я причин ареста не знал. Частным образом, он объяснялся тем, что я прибыл в Индию, несмотря на то, что мне было в визе отказано. Но это объяснение неверно, т.к.:

1) С Берлинским Генеральным Консулом я условился, что ответ на мое обращение за визой будет дан мне в Бомбее. В Бомбей мы не заходили, и никакого ответа, стало быть, получить я не мог.

2) Визу в Мадрас я имел. Дана была в Сингапуре 11-го июля. Условность ее (subject to control and consent of Indian authorities) факта не меняет⁶⁰.

Протесты Красинского не были пересланы в Москву. Более того, пароходная администрация выставила ему счет за содержание под арестом в Мадрасе, который он оплачивать отказался, считая, что арестовавшее его Правительство Индии должно нести и связанные с этим расходы. Он оценил корректное отношение властей в Сингапуре, хотя газета «Straits Times» 30 июля ложно сообщила, что он находится

⁵² СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 4. Л. 125.

⁵³ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 79.

⁵⁴ Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 4. Л. 278.

⁵⁵ Там же. Д. 3. Л. 118.

⁵⁶ Там же. Д. 2. Л. 69.

⁵⁷ Там же. Л. 121–122.

⁵⁸ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 103.

⁵⁹ Там же. Л. 104.

⁶⁰ Там же. Л. 105.

под надзором полиции. Красинский намеревался выразить Британскому представителю в России г-ну Ходжсону закономерные юридические претензии:

1) Как объяснить поведение Египетских властей, лишивших меня возможности выполнить поручение Академии Наук.

2) Как объяснить поведение Индийских властей, произвольно арестовавших меня и не переславших даже протеста моему Правительству.

Я полагаю, что едва ли сможет мистер Ход[ж]сон сослаться на то, что действия колониальных властей не контролируются Британским Правительством, ибо:

1) Английская полиция, надевшая красные фески, не перестает быть английской.

2) Демонстрированная мне в пути циркулярного характера телеграмма, гласящая, что среди команды «Декабриста» находится «Джордж Давидович Красинский, большевистский агент, хорошо говорит по-английски» (комплимент, кстати, явно не заслуженный, – с очевидностью показывает, что нити всего дела сходятся где-то в Лондоне).

Попутно, касательно моего «большевизма». – Мистеру Ходжсону надо указать, что не следует чрезмерно доверять информаторам. Я – социал-демократ, меньшевик, всегда защищающий родные мне интересы Советской России⁶¹.

Вероятно, британцы не забыли об участии Г.Д. Красинского в революционной деятельности и тот факт, что в 1912–1913 гг. он скрывался в Англии⁶².

А.Е. Ферсман выразил сожаление по поводу образа действий британских колониальных властей в письмах в Главнауку и в НКИД⁶³. Общее собрание РАН выразило благодарность Г.Д. Красинскому 3 ноября 1923 г.⁶⁴ и ходатайствовало о благодарности перед НКПС, НКИД, НКВТ, Главнаукой⁶⁵. Возмещение же расходов затянулось. 1 ноября 1923 г. Правление РАН просило включить эту сумму в кредит 1924 г. (к 200-летию юбилею Академии наук)⁶⁶. 24 апреля 1924 г. Президиум РАН постановил уплатить 130 ф. ст. Гос. Балтийскому пароходству и 200 ф. ст. – Чаеуправлению, причем ввиду отсутствия средств разрешил возместить их 10 пудами чая⁶⁷.

Доставка коллекций из Владивостока

Основанный при участии Мервартов частный историко-филологический факультет в апреле 1920 г. был преобразован в Государственный дальневосточный университет. Мерварты оставили коллекции в здании ГДУ и поручили лично (без описи) ректору Подставкину. Еще 20 июня 1920 г. они надеялись перевезти в ГДУ индийские коллекции, но опасались, что тогда университет приобретет некоторое, хотя бы моральное право на пользование этими коллекциями и упоминания, и что такое временное положение легко имеет тенденцию стать постоянным⁶⁸.

По прибытии в Петроград коллекций из Индии и Цейлона руководство МАЭ начало хлопотать о переезде семьи Мерварт из Харбина, где они жили с осени 1922 г. по 10 августа 1923 г. соответствующие письма были направлена в НКИД, НКПС и Главное Таможенное Управление⁶⁹. Директор МАЭ Е.Ф. Карский 17 октября 1923 г. ходатайствовал о предоставлении командированным РАН Мервартам права и воз-

⁶¹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 106–107.

⁶² О Г.Д. Красинском // Полярная почта. URL: <http://www.polarpost.ru/forum/viewtopic.php?f=20&t=151&start=15> (дата обращения: 12.03.2022).

⁶³ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 101–101 об.

⁶⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 172. Л. 29 об.

⁶⁵ Там же. Ф. 2. Оп. Д. 8. Л. 80–80 об.

⁶⁶ Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 4. Л. 239.

⁶⁷ Там же. Д. 2. Л. 146.

⁶⁸ Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 2. Л. 56–57.

⁶⁹ Там же. Д. 3. Л. 110.

возможности вернуться в Россию⁷⁰. 5 декабря 1923 г. Мерварты просили официально уведомить их относительно будущего статуса в МАЭ, жалования и условий проживания⁷¹. 20 июня 1924 г. Совет МАЭ избрал их научными сотрудниками 1-го разряда, а А.М. Мерварта – зав. Отделом Индии⁷².

В августе 1923 г.⁷³ вр.и.д. ректора ГДУ проф. А.В. Гребенщиков обнаружил коллекции Мервартов. В ноябре 1923 г. под контролем ректора ГДУ профессора В.И. Огородникова был произведен осмотр восьми ящиков общим весом до 30 пудов и четырех ящиков книг и рукописей весом до 25 пудов. Описи не было:

Все ящики были вскрыты самим гр-м Мервартом незадолго до его отъезда из Владивостока и в таком виде, прикрытые сверху кипами газетной бумаги, оставлены им в одной из университетских кладовых⁷⁴.

24 декабря 1923 г. директор МАЭ поблагодарил В.И. Огородникова, отметив, что предметы являются собственностью МАЭ, а Мервартов предупредили, что отправка коллекций осуществится соответственно маршруту их возвращения⁷⁵. Тарифный Комитет при НКПС разрешил бесплатный проезд семьи, теплушку для перевозки имущества большой скоростью, беспошлинный провоз экспедиционного и личного имущества после семи лет командировки⁷⁶. Выехав из Харбина 27 июня 1924 г., Мерварты прибыли в Ленинград 3 августа 1924 г.⁷⁷ МАЭ компенсировал им 100 руб. по счету за подготовку и доставку индийских коллекций⁷⁸.

10 сентября 1924 г. и 16 января 1925 г. С.Ф. Ольденбург просил ректора ГДУ переслать 12 ящиков в МАЭ⁷⁹. Опасаясь нареканий за целостность коллекции, он искал лучшие способы отправки груза. Доброфлот не имел прямого сообщения с Ленинградом (пароходы шли в Лондон или Одессу), а перевозка по железной дороге могла повредить предметам⁸⁰. В третьей телеграмме С.Ф. Ольденбурга от 18 марта 1925 г. говорилось, что в случае отсутствия ответа Академия будет вынуждена обратиться к центральной власти⁸¹. А.М. Мерварт считал самым безопасным способом перевозку морем⁸². 24 марта 1925 г. руководство МАЭ просило Главнауку войти в сношение с НКПС по вопросу о бесплатной перевозке научного груза от ст. Владивосток до Ленинграда⁸³. Член Геологического комитета проф. А.Н. Криштофович в апреле 1925 г. осмотрел ящики, нашел упаковку в полном порядке⁸⁴. Тарифный Комитет при НКПС удовлетворил 21 мая 1925 г. ходатайство АН СССР⁸⁵, и В.И. Огородников отправил груз 1 июля малой скоростью по железной дороге⁸⁶. 11 ящиков прибыли в МАЭ

⁷⁰ СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1а. Д. 172. Л. 228 об.

⁷¹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 5–6.

⁷² Там же. Л. 52.

⁷³ Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 4. Л. 206 об.

⁷⁴ Там же. Л. 265–265 об.

⁷⁵ Там же. Д. 3. Л. 124.

⁷⁶ Там же. Д. 4. Л. 254.

⁷⁷ Там же. Д. 5. Л. 151.

⁷⁸ Там же. Д. 2. Л. 299.

⁷⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 80; Там же. Д. 10. Л. 4.

⁸⁰ Там же. Д. 10. Л. 17.

⁸¹ Там же. Л. 8.

⁸² Там же. Л. 37.

⁸³ Там же. Л. 38–38 об.

⁸⁴ Там же. Л. 63, 91.

⁸⁵ Там же. Л. 85.

⁸⁶ Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 6. Л. 19.

30 октября 1925 г.⁸⁷ Тем временем 5 октября 1925 г. директор МАЭ просил В.К. Арсеньева, директора Хабаровского краеведческого музея, посодействовать всеми возможными мерами скорейшей отправке в Музей 12 ящиков⁸⁸.

А.М. и Л.А. Мерварт, а также помогавшая им Т.А. Корвин-Круковская разобрали и зарегистрировали экспонаты в МАЭ. Общее их количество превысило 5 тыс., фотоматериалов – 1,5 тыс.⁸⁹

Выводы

Материалы экспедиции Мервартов в МАЭ составили научную базу этнографической индологии. Организация перевозки коллекций в 1921–1924 гг. стала предметом дипломатического взаимодействия молодого Советского государства с зарубежными странами, прежде всего с Великобританией.

Как показало исследование, затруднений на этом пути было множество: логистические, финансовые, политические. Российская сторона столкнулась также с традиционным британским недоверием к России как сильному геополитическому конкуренту. Помогали российским участникам процесса их энтузиазм, пиетет к научному знанию, большой культурный опыт, уважение к деятельности сотрудников Музея антропологии и этнографии и к экспедиционному труду Мервартов.

Предложенные академиком Ф.И. Щербатским аргументы позволили урегулировать конфликты, связанные с конфискацией в Советской России собственности иностранных (британских) подданных, и, следуя ранней договоренности 1918 г., частная британская фирма благополучно вывезла из Калькутты в Европу коллекции Мервартов. Эту работу оплатило советское правительство.

Миссия уполномоченного Наркомпути Г.Д. Красинского тоже не обошлась без осложнений. Будущий полярник преодолел сопротивление британских чиновников. Отметим, что индийцы и служащие музеев в Индии всячески помогали возвращению коллекций законным владельцам. Во Владивостоке коллекции были сохранены благодаря безупречной честности В.И. Огородникова, А.Ф. Криштофовича, В.Г. Арсеньева и др. ученых.

Академик В.В. Радлов с 1895 г. добивался распространения льготных тарифов на оплату транспортировки коллекций в Академию наук, беспощинного пропуска таможенных грузов и цензурных процедур при получении отправок из-за рубежа⁹⁰. Советская власть в начале 1920-х гг. по-прежнему разрешала бесплатный проезд экспедиций и провоз багажа по льготному тарифу, отправку посылок весом до 1 пуда в адрес Академии наук, что помогло и самим Мервартам возвратиться домой.

В июне 1925 г. Конференция РАН признала экспедицию А.М. и Л.А. Мерварт в Индию, наряду с реконструкцией Музея антропологии и этнографии и его Индийской экспозиции, выдающимся событием в научном мире.

Поступила в редакцию / Submitted: 09.01.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 28.02.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 12.03.2022

⁸⁷ СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 8. Л. 86.

⁸⁸ Там же. Л. 70 об.

⁸⁹ Там же. Л. 1–2.

⁹⁰ *Соболева Е.С.* В.В. Радлов и система транспортировки в МАЭ (конец XIX – начало XX вв. // *Primus inter parus* (к 175-летию со дня рождения В.В. Радлова) / сост. и отв. ред. П. Матвеева, Е.А. Резван. СПб., 2015. С. 155–184.

References

- Iwanow, W.A. “Autobiography by Wladimir Alekseevich Iwanow (Edited and commented by O.F. Aki-mushkin).” In *Petersburgskoe Vostokovedenie*. Vol. 10 (2002): 446–455.
- Kotin, I.Yu., Krasnodembskaya, N.G., and Soboleva, E.S. *Ekspeditsiia MAE na Tseilon i v Indiyu v 1914–1918 gg. Istoriia. Kolleksiia. Nauchnoe nasledie*. St. Petersburg: MAE Publ., 2018 (in Russian).
- Mervart, A.M. *Otdel Indii: Kratkii ocherk indiiskoi kul'tury po materialam Otdela Indii MAE*. Lenin-grad: Akademiya nauk SSSR Publ., 1927 (in Russian).
- Soboleva, E.S., W.W. Radlov and a system of transportation of collections to the MAE (end of 19th – early 20th century).” In *Primus inter parus (to the 175th anniversary of W.W. Radlov)*, 155–184. St. Petersburg: MAW, 2015 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Игорь Юрьевич Котин, д-р истор. наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом Южной и Юго-Западной Азии Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3; igorkotin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5751-7703>

Нина Георгиевна Краснодембская, д-р истор. наук, ведущий научный сотрудник отдела Южной и Юго-Западной Азии Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3; nigekrasno@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0193-3905>

Елена Станиславовна Соболева, канд. истор. наук, старший научный сотрудник отдела Южной и Юго-Западной Азии Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3; soboleva@kunstkamera.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6137-0476>

Igor Yu. Kotin, Dr. habil. hist., Leading Researcher, Head of the Department of the South and South-West Asia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences; 3 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia; igorkotin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5751-7703>

Nina G. Krasnodembskaya, Dr. habil. hist., Leading Researcher of the Department of the South and South West Asia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences; 3 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia; nigekrasno@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0193-3905>

Elena S. Soboleva, Ph.D. in History, Senior Researcher of the Department of the South and South West Asia, the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences; 3 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia; soboleva@kunstkamera.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6137-0476>